

ГОРОДА ШУИ

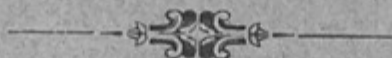
СТАРАГО ПОКРОВСКАГО СОБОРА

ПРОТОІЕРЕЙ

ІОАННЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ СУББОТИНЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Священника Н. Миловскаго.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ

Николаю Ивановичу

СУББОТИНУ.

Гор. Шуи Старога Покровскаго собора протоіерей Іоаннъ Алексѣевичъ Субботинъ.

(Біографія).

I.

Село Антилохово, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, которое даровало Россійской церкви великаго угодника Божія святи- теля Митрофана Воронежскаго и въ которомъ родился выдаю- щійся по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ прото- іерей Воскресенскаго, гор. Шуи собора Алексѣй Никитичъ Ни- китскій (1746—1836), высокообразованный питомецъ Московской Славяно-греко-латинской академіи и Императорскаго Московскаго университета, было мѣстомъ рожденія и другаго достойнѣйшаго пастыря, служившаго въ томъ-же гор. Шуѣ, протоіерея Старога Покровскаго собора Іоанна Алексѣевича Субботина ¹⁾).

О. Іоаннъ родился 1-го мая 1790 года, спустя нѣсколько дней послѣ смерти отца, бѣднѣйшаго причетника, и такимъ обра- зомъ осиротѣлъ еще до появленія своего на свѣтъ. Страшную нужду терпѣла вдова. На четвертомъ или пятомъ году мальчикъ забо- лѣлъ оспою. Догадливыя деревенскія бабы посовѣтовали вдовѣ-

¹⁾ Краткая біографія протоіерея Никитскаго, составленная священ- никомъ Е. И. Правдинымъ, напечатана въ 13 № Владим. Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1877 годъ и издана отдѣльной брошюрой. Біографія же протоіерея Субботина, который также заслуживаетъ почтительнаго внима- нія со стороны Епархіальнаго духовенства, доселѣ не издавалось. Этимъ обстоятельствомъ и вызванъ настоящій трудъ.

причетницѣ попарить сына въ печкѣ. Его выпарили хорошо; но послѣдствія такого леченія оказались неожиданными и притомъ очень печальными: у мальчика лопнулъ и вытекъ лѣвый глазъ, такъ-что несчастный сирота остался кривоокомъ на всю жизнь.

Богъ знаетъ, что было бы съ мальчикомъ, если бы не принялъ въ немъ участія двоюродный братъ его, причетникъ села Малыхъ Всегодичъ (Стеголицъ), Ковровск. уѣзда, Осипъ Тимоѣевичъ ¹⁾. Хотя онъ и самъ былъ человѣкъ бѣдный, но все-таки нашелъ возможнымъ принять къ себѣ на воспитаніе сироту, потому что тогда не имѣлъ еще такого большого семейства, какимъ обремененъ былъ впослѣдствіи ²⁾. Осипъ Тимоѣевичъ воспитывалъ приемыша, какъ своего роднаго сына, и въ свое время постарался выучить его грамотѣ. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ обученія мальчика (наприм. за неимѣніемъ бумаги и денегъ на ея покупку, онъ писалъ на берестахъ), труды почтеннаго учителя увѣнчались полнымъ успѣхомъ: смысленный ученикъ скоро усвоилъ преподаваемые ему уроки и оказался вполне приготовленнымъ для поступленія въ школу. Онъ былъ принятъ въ Суздальское училище и, какъ приведенный сюда во едину отъ субботъ, получилъ фамилію «Субботинъ».

¹⁾ Отецъ пользовавшагося почетною извѣстностью во Владимірской епархіи протоіерея гор. Юрьева-Польскаго Феодора Осиповича Нечаева.

²⁾ Въ представленной Владимірскимъ семинарскимъ правленіемъ Московскому академическому правленію вѣдомости за 1815 г. объ ученикахъ Владимірскаго дух. училища, заслуживающихъ полубурсачнаго содержанія, о 13-лѣтнемъ ученикѣ высшаго отдѣленія, Феодорѣ Нечаевѣ, «Ковровской округи, села Малыхъ Всегодичъ дьячка Іосифа Тимоѣева» сынѣ, замѣчено: «на полубурсачное содержаніе помѣститъ его необходимо, ибо еще братъ обучается въ приходскомъ училищѣ—ученикъ, перваго класса Степанъ Лебедевъ; у отца въ домѣ жена, еще три сына, изъ коихъ одному уже восемь лѣтъ, и престарѣлая мать; сверхъ сего, онъ Нечаевъ, поведенія и успѣховъ похвальныхъ» (Дѣла правл. Моск. дух. акад. 1815 г. Вѣдомости разныхъ семинарій и училищъ).

Училищное зданіе—древній домъ Суздальскихъ архіереевъ, тогда уже наполовину запущенный, съ цѣлою амфиладою пустыхъ комнатъ, съ полусгнившими ходами на необитаемые антресоли и чердаки, въ которыхъ почти всегда завывалъ вѣтеръ, и съ развалившимися спусками въ мрачные подвалы и подземелья, населенныя крысами и мышами, навѣдило сначала страхъ на робкаго, пугливаго мальчика, какъ и на сверстниковъ его, малолѣтнихъ учениковъ. Нечего и говорить, сколько перенесъ онъ за время училищной жизни, всякаго рода лишеній и нужды. Учебныхъ книгъ у него не было, не на что было и купить ихъ; ему приходилось учиться по чужимъ учебникамъ и выученное изъ нихъ записывать, для памяти и повтореній, въ тетрадку. Послѣднее обстоятельство имѣло, впрочемъ, и свою выгодную сторону: мальчикъ постепенно привыкалъ къ усидчивости и трудолюбію.

Съ этими похвальными качествами Субботинъ перешелъ во Владимірскую семинарію. Здѣсь, благодаря имъ, онъ въ совершенствѣ изучилъ, между прочимъ, французскій языкъ, а также и приобрѣлъ отличную способность владѣть перомъ. Его разсужденія литературнаго, философскаго и богословскаго характера выходили очень удачными: «похвально, *optime*» вотъ отмѣтки, какія обыкновенно дѣлали на нихъ наставники. Писалъ Субботинъ и оды: ими онъ отплатилъ дань своему времени, когда ложно-классическое направленіе въ литературѣ увлекало и семинаристовъ-поэтовъ. Но хотя оды Субботина писаны были по заведенному тогда въ литературѣ опредѣленному тону, сильно стѣснявшему свободу творческаго духа, онѣ не лишены поэтическихъ красотъ и отличаются удачнымъ подборомъ рѣимъ и звучностью стиха ¹⁾.

¹⁾ Въ одѣ его на тезоименитство преосвященнаго Ксенофонта говорится, наприм., слѣдующее:

«Се насъ два Феба озаряютъ:

Единый Фебъ на небеси,

Одна изъ такихъ одъ Субботина сослужила ему большую службу. Въ 1811 г., по окончаніи семинарскаго курса, на торжественномъ публичномъ актѣ, въ присутствіи преосвящен. Ксенофонта и другихъ почетныхъ лицъ, онъ прочелъ оду о надеждѣ, гдѣ въ очень складныхъ стихахъ раскрылъ мысль, что никакой человѣкъ не долженъ терять надежды на лучшее будущее, какъ бы ни были иной разъ тяжелы и безвыходны его обстоятельства, что при надеждѣ и жизнь не перестаетъ казаться милою, и счастье можетъ быть достигнуто, тогда какъ при отчаяніи легко остаться несчастнымъ навсегда. Стихи очень понравились почтеннѣйшему собранію, а особенно самому архіерею ¹⁾. Въ награду за нихъ онъ назначилъ автора на первое открывшееся въ епархіи учительское мѣсто—въ Переславское духовное училище.

Отцемъ дня коего считаютъ,
 Другой Фебъ, Пастырь, Ты еси.
 Тотъ къ западу лишь поспѣшаетъ,
 И вдругъ лучи свои теряетъ,
 Скрываясь за горизонтъ;
 А Ты, чѣмъ ближе приступаешь
 Ко западу, яснѣй сіяешь
 Лучами славы, Ксенофонтъ»!

¹⁾ Въ этой, довольно длинной, одѣ преосвящ. Ксенофонту, нужно полагать, особенно понравилась заключительная строфа, содержащая въ себѣ очень лестное обращеніе къ нему:

«Дай, Боже, чтобъ надежда съ нами
 И въ нашемъ сердцѣ вѣкъ жила:
 Съ ея счастливыми дарами
 Для насъ бываетъ жизнь мила.
 Отецъ! Твой добрый умъ высокій,
 Толкуя намъ небесъ уроки,
 Надежды изливаетъ свѣтъ.
 Живи съ твоими вѣкъ сынами:
 Когда живешь Ты въ насъ и съ нами,
 Тогда надежда въ насъ живетъ»!

II.

По прибытіи въ Переславль, Иванъ Алексѣевичъ съ жаромъ принялся за учительское дѣло. Ему пришлось преподавать разные предметы въ низшихъ классахъ (по тогдашнему, въ приходскомъ училищѣ), гдѣ находились мальчики, только-что перешедшіе изъ дѣтскаго возраста въ отроческій. Тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ скоро принаровиться къ нимъ и все преподаваемое сдѣлать для нихъ удобопонятнымъ и легковоспріемлемымъ. За умѣлое и благоплодное прохожденіе учительской должности Ив. Алексѣев. удостоивался самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны начальства.

Переславское училище въ то время находилось въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ настоятельствовалъ тогда архимандритъ Іосифъ ¹⁾. Этотъ человѣкъ имѣлъ способность быстро и безошибочно узнавать людей по ихъ внутреннимъ качествамъ. Когда въ Даниловомъ монастырѣ появился молодой учитель Субботинъ, архимандритъ Іосифъ, послѣ перваго же знакомства съ нимъ, составилъ о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ скромномъ, степенномъ, разсудительномъ, и тогда же возчувствовалъ къ нему глубокую симпатію. Съ теченіемъ времени онъ не только не разочаровался въ Иванѣ Алексѣевичѣ, но еще больше полюбилъ его, особенно послѣ того, какъ подмѣтилъ въ немъ самыя добрыя качества—искреннее благочестіе и строго-нравственное направленіе. Окончательно же Субботинъ «плѣнилъ» о. Іосифа своимъ проповѣдническимъ талантомъ. Однажды Ивану Алексѣевичу довелось сказать слово въ праздникъ преподобнаго Даниіла, при цѣльбоносныхъ мощахъ его. Слово это такъ попра-

¹⁾ Величковскій, изъ воспитанниковъ Московской Славяно-греко-латинской академіи. Принялъ монашество въ Александро-Невской лаврѣ. Былъ законоучителемъ въ С.-Петербургскомъ Коммерческомъ училищѣ, затѣмъ—настоятелемъ Вѣлгородскаго Николаевскаго монастыря. Въ 1819 г., изъ ректоровъ Владимірской духов. семинаріи, хоротонисанъ во епископа Архангельскаго; черезъ полтора года переведенъ на Смоленскую кафедру; послѣ восемнадцатилѣтняго пребыванія на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ, почилъ тамъ и погребенъ въ церкви при дальнихъ пещерахъ.

вилось настоятелю, что онъ, хотя и самъ былъ хорошимъ проповѣдникомъ, рѣшился не выступать на проповѣдническую кафедру въ монастырскіе праздники, пока находится подъ рукою Субботинъ, и предоставлять эту честь ему ¹⁾. Архимандритъ Іосифъ любилъ, чтобы Иванъ Алексѣевичъ за богослуженіями стоялъ вмѣстѣ съ нимъ въ алтарѣ ²⁾. Если о. Іосифъ не служилъ, то онъ иногда, по поводу какихъ-либо неудобовразумительныхъ мѣстъ въ пѣснопѣніи или чтеніи церковномъ, обращался къ Субботину съ вопросомъ о смыслѣ ихъ и самъ давалъ ему на этотъ счетъ свои объясненія и толкованія, иногда переводя неудобопонятное выраженіе или кратко опредѣляя смыслъ чтенія характерными латинскими фразами, такъ какъ оба владѣли латинскимъ языкомъ въ совершенствѣ.

¹⁾ Изъ сохранившихся доселѣ 15 проповѣдей, произнесенныхъ Иваномъ Алексѣевичемъ въ Переславлѣ въ теченіе трехлѣтняго его тамъ пребыванія, 9 сказаны были въ Даниловомъ монастырѣ. Одна изъ нихъ имѣетъ историческій интересъ: это—слово на день преподобнаго Даниила, 16-го октября 1812 г., на текстъ: «Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы». Здѣсь проповѣдникъ, намекая на тогдашнія событія (нашествіе французовъ), говоритъ: «Изъ настоящей бесѣды мы видѣли, что единъ Богъ можетъ даровать покой душамъ труждающимся и обремененнымъ. И ежели когда, то нынѣ наипаче намъ прилѣплятся Богови благо есть. Нынѣ, говорю, наипаче, когда не токмо внутренній, но и виѣшній врагъ ищетъ нашей гибели. Ежели будетъ гнѣвъ Бога нашего на насъ, то камо идемъ отъ духа Его и отъ лица Его камо бѣжимъ? Аще же Богъ по насъ, кто на ны?...»

²⁾ Однажды, осенью 1812 г., за всеобщей, когда стояли они вмѣстѣ въ алтарѣ, о. Іосифъ случайно взглянулъ, сквозь рѣзныя царскія двери, внутрь церкви, и отшатнулся въ изумленіи: «Боже мой,—воскликнулъ онъ,—московскій ректоръ здѣсь! Что бы это значило?» Въ церкви, дѣйствительно, стоялъ ректоръ Москов. Славяно-Греко-Латинской академіи, архимандритъ Симеонъ, съ нѣкоторыми своими сослуживцами. Оказалось, что они бѣжали изъ Москвы, по случаю нашествія на нее французовъ, и, направляя путь свой къ Вологдѣ, остановились въ Переславлѣ, съ намѣреніемъ переночевать у знакомаго имъ Даниловскаго настоятеля; прибывъ въ его монастырь, когда здѣсь шла служба, они прямо направились въ церковь...

Но сравнительно недолго пришлось пожить вмѣстѣ, въ одномъ городѣ и одной обители, архимандриту Іосифу и Ив. Ал.: во второй половинѣ 1814 г. они разстались другъ съ другомъ. О. Іосифъ въ августѣ того года опредѣленъ былъ, съ оставленіемъ въ прежней должности настоятеля Данилова монастыря, ректоромъ Владимірской духовной семинаріи и потому долженъ былъ уѣхать во Владиміръ, а монастыремъ управлять заочно. Черезъ нѣсколько недѣль по отъѣздѣ его во Владиміръ, покинулъ Переславль и Иванъ Алексѣевичъ: онъ, и по собственному желанію, и по совѣту о. Іосифа, отправился держать пріемные экзамены въ Московскую дух. академію, которая только что открылась тогда въ Троице-Сергіевой лаврѣ ¹⁾.

Однакожъ поступить въ академію ему не удалось: во-первыхъ, онъ явился сюда слишкомъ поздно, уже послѣ экзаменовъ; во-вторыхъ, какъ оказалось, его все равно не приняли бы, потому что онъ былъ кривъ, а по предписанію Коммисіи духовныхъ училищъ въ академіи

¹⁾ Въ бытность свою учителемъ Переславскаго училища, Ив. Ал., всегда помнившій добро, имѣлъ возможность отплатить долгъ своему почтенному воспитателю, Всегодичскому причетнику Осипу Тимоѣевичу пріятіемъ къ себѣ на воспитаніе старшаго сына его, Ѳедора Нечаева, впоследствии протоіерея гор. Юрьева-Польскаго. Какъ много добра оказалъ Ив. Ал. Ѳедору Осиповичу, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ строкъ біографіи протоіерея Нечаева: «Родители его, вѣроятно, затрудняясь въ средствахъ содержать сына въ учебномъ заведеніи, особенно при умножавшемся семействѣ, готовили ему съ раннихъ лѣтъ дьяческую карьеру. Къ счастью, одинъ родственникъ ихъ, И. А. Субботинъ, бывшій тогда учителемъ Переславскаго духовнаго училища, замѣтилъ въ мальчикѣ хорошія способности, взялъ его къ себѣ и помѣстилъ въ оное училище. Руководитель былъ чловѣкъ самой строгой жизни и преданный наукѣ. Эти черты невольнымъ образомъ отпечатлѣлись и въ молодой, воспріимчивой натурѣ воспитанника. Съ раннихъ, почти дѣтскихъ, лѣтъ Ѳедоръ Іосифовичъ полюбилъ книгу и въ ней одной находилъ для себя развлеченіе; съ поступленіемъ въ семинарію, у него еще болѣе развилось пристрастіе къ чтенію, оставшееся и на всю жизнь» (Влад. Енарх. Вѣдом., 1874 г., № 23, стр. 1,157—1,158).

могли быть принимаемы студенты лишь «безъ значущихъ недостатковъ въ благовидности» ¹⁾. Какъ горевалъ бѣдный молодой человекъ послѣ такой неудачи! Съ какою сердечною болью оставилъ онъ академію, двери которой закрывались для него навсегда! ²⁾.

III.

Послѣ неудачной попытки Ивана Алексѣевича поступить въ академію, преосв. Ксенофонтъ, изъ глубокаго сочувствія къ нему и изъ истинно-отеческаго желанія утѣшить его въ горѣ, ободрить и поощрить къ дальнѣйшей благоплодной педагогической дѣятельности, поспѣшилъ дать ему мѣсто учителя и инспектора въ Суздальскомъ духовномъ училищѣ.

Иванъ Алексѣевичъ былъ глубоко тронутъ такимъ благорасположеніемъ къ нему преосвященнаго. Оставаясь еще подъ живымъ впечатлѣніемъ этого архипастырскаго вниманія, онъ, чрезъ нѣко-

¹⁾ Выраженіе это взято изъ предписанія Коммисіи духовныхъ училищъ правленію Московской дух. академіи отъ 25 мая 1814 г. за № 44 (Дѣла академич. правленій за 1814 г.).

²⁾ Когда Ив. Ал., по поводу непринятія его въ академію, объяснялся съ инспекторомъ академіи, архимандритомъ Филаретомъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій), вошелъ въ инспекторскую комнату молодой бакалавръ іеромонахъ Никаноръ (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій) и, вслушавшись въ заявленіе Субботина, что онъ не хуже другихъ владимірцевъ, принятыхъ въ академію, и готовъ подвергнуться самому строгому пріемному экзамену, обратился къ нему съ усмѣшкою: «ужъ не въ профессора ли хотите вы къ намъ поступить?» Но о. Филаретъ молча отстранилъ своего сослуживца рукою, давъ ему тѣмъ самымъ понять неумѣстность его шутки. Самъ же Филаретъ былъ такъ деликатенъ, что съ большою осторожностію, только намекомъ объяснилъ Субботину, что причиною, по которой нельзя принять его въ академію, служить его физическій недостатокъ. Впослѣдствіи И. А. съ удовольствіемъ вспоминалъ и объ этомъ свиданіи съ Филаретомъ и о краткомъ знакомствѣ съ нѣкоторыми студентами перваго курса, особенно Ѳ. А. Голубинскимъ, — съ нимъ онъ сыгралъ нѣсколько партій въ шашки и притомъ побѣдоносно.

торое время по приѣздѣ въ Суздаль, написалъ очень искусное стихотвореніе въ формѣ *rondeau*, гдѣ, рѣшая вопросъ «кто грядетъ во слѣдъ Христу» не могъ не поставить въ числѣ существенныхъ признаковъ дѣйствительнаго послѣдователя Христова покровительствованія сирымъ, защищенія обидимыхъ и утѣшенія скорбящихъ, т.-е. какъ разъ тѣхъ высокихъ проявленій истинно-христіанской любви, которыя самъ испыталъ на себѣ именно со стороны преосвященнаго Ксенофонта ¹⁾.

Въ Суздаль Ив. Ал. имѣлъ большое нравственное вліяніе не только на учениковъ, но и на сослуживцевъ, которые всѣ, начиная со смотрителя прот. Смирнова, питали къ нему самую искреннюю пріязнь и почтеніе. Памятникомъ близкихъ, дружескихъ отношеній между нимъ и смотрителемъ служить французская книжка сочиненій Буало съ слѣдующею надписью: «Господину инспектору и учителю Ивану Алексѣевичу Субботину, любезному моему сотруднику, дарю сію книжку со усердіемъ. Протоіерей Дмитрій Смирновъ. 1815 г. маія 8 дня».

Усердная и полезная служба Ив. Ал. въ Суздальскомъ училищѣ была оцѣнена начальствомъ по достоинству. Когда, въ 1816 г.,

¹⁾ «Во слѣдъ Христу грядетъ, кто свято, непреложно,
Колико смертному во плоти сей возможно,
Изъ чистыя любви, законъ святой блюдетъ,—
Сей вѣрный Божій рабъ во слѣдъ Христу грядетъ».

* *
*

«Во слѣдъ Христу грядетъ, кто сирымъ покровитель,
Обидимымъ отецъ, скорбящимъ утѣшитель,
Трудящимся покой, во тьмѣ ходящимъ свѣтъ,
Сей вѣрный другъ людей во слѣдъ Христу грядетъ».

* *
*

«Во слѣдъ Христу грядетъ нашъ Пастырь несравненный;
Мы ясно зримъ сіи въ немъ свойства драгоцѣнны.
Для славы Божіей Онъ въ мірѣ семъ живетъ.
Христе! Храни Его,—Онъ въ слѣдъ Тебѣ грядетъ».

открывалось въ гор. Шуѣ духовное училище, для котораго требовался на первыхъ порахъ особенно энергичный и опытный инспекторъ, правленіе Владимірской семинаріи сочло за наилучшее избрать на эту должность именно Субботина, Суздальскаго инспектора, какъ вполнѣ отвѣчавшаго такимъ требованіямъ мѣста и времени.

Друзья проводили его изъ Суздаля въ Шую съ сердечною скорбію и разнаго рода благожеланіями. «Скорблю душевно,— писалъ ему полатыни вскорѣ послѣ того одинъ изъ нихъ,—скорбятъ также и Егоръ Афанасьевичъ Лебедевъ, (священникъ Суздальской Воскресенской церкви, учитель и потомъ инспекторъ Суздальскаго дух. училища) въ разлукѣ съ тобою... Желалъ бы я, чтобы въ Шуѣ ты нашелъ себѣ не менѣе искреннихъ друзей, безъ которыхъ жизнь, по моему мнѣнію, тягостна. Да и какой-же добрый человѣкъ не оцѣнитъ этого твоего прямодушія, которое я испыталъ?... Скучаю по тебѣ, и буду скучать, и искренно желаю тебѣ всякаго благополучія».

IV.

Первое время пребыванія Ивана Алексѣевича въ Шуѣ, еще до официальнаго открытія здѣсь духовнаго училища, было для него очень хлопотливо. Кромѣ исправленія необходимыхъ инспекторскихъ обязанностей, напр. введенія хотя нѣкоторой дисциплины среди нестройной толпы новичковъ-учениковъ и надзора за ними, онъ долженъ былъ, по порученію начальства, заниматься составленіемъ рѣчи и оды, для произнесенія на торжествѣ открытія училища.

Какъ рѣчью, такъ и одою Субботинъ вполнѣ украсилъ это торжество, которое происходило 24-го сентября вышеозначеннаго 1816 года, при личномъ участіи преосвященнаго епископа Ксенофонта и инспектора Владимірской семинаріи, архимандрита Іосифа (Березина), и въ присутствіи многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ¹⁾. Въ своей рѣчи онъ весьма сжато и вмѣстѣ обстоятельно

¹⁾ Ректоръ семинаріи, архимандритъ Іосифъ (Величковскій), не могъ быть на открытіи Шуйскаго духов. училища и послушать здѣсь своего

выяснилъ великую важность и трудность дѣла воспитанія и образованія. Онъ раскрылъ здѣсь именно ту мысль, что взявшій на себя великое дѣло «образовать умъ и сердце юношей, развить ихъ разумъ, сообщить познаніе добра и вкусъ къ полезному и изящному» необходимо обязанъ наблюдать особенную осмотрительность и разборчивость въ приемахъ своей дѣятельности, которые должны быть столько же разнообразны, сколько различны свойства ума и характера учащихся, и что въ противномъ случаѣ онъ понесетъ на себѣ нравственную отвѣтственность предъ обществомъ. «Преосвященнѣйшій Владыко, — заканчиваетъ свою рѣчь Субботинъ, — вотъ сколь важное и сколь трудное поприще, на которое мы тобою поставлены! Чувствуемъ, что званіе сіе не по нашимъ силамъ; оно требуетъ опытной мудрости. Впрочемъ надѣмся, что благодать Божія, умудряющая младенцевъ, время, все подъ луною совершенствующее, и предшествующій намъ примѣръ твоей мудрости, съ которою поучаешь ты свою паству, и насъ образуютъ и помогутъ намъ оправдать твое архипастырское избраніе» ¹⁾).

Но если въ рѣчи своей Ив. Ал. разсуждаетъ о дѣлѣ воспитателей и учителей, то въ своей одѣ онъ касается уже дѣла учащихся. Исходя изъ того положенія, что «всему свое на свѣтѣ время» и что отрочество есть пора особенно благоприятная для образованія ума и сердца, нашъ поэтъ убѣждаетъ юношей воспользоваться молодостью для своего умственного и нравственного развитія и выражаетъ надежду, что они, при испрашиваемомъ благословеніи свыше, принесутъ въ новомъ разсадникѣ просвѣщенія добрые плоды трудовъ, какъ наставническихъ, такъ и своихъ собственныхъ ²⁾).

любимца И. А. Субботина, потому что ѣздилъ тогда открывать Муромское училище.

¹⁾ Рѣчь эта цѣликомъ напечатана въ трудѣ протоіерея Е. И. Правдина: «Исторія Шуйскаго духовнаго училища. Владиміръ, 1887 года». (стран. 6—8).

²⁾ «О юноши! Доколѣ все для васъ спокойно, —
Доколѣ совѣсть въ васъ чиста,

По вступленіи на службу въ Шуйское училище, Ив. Ал. очень недолгое время оставался въ свѣтскомъ званіи. Женившись, въ 1816 году, на дочери Юрьевского соборнаго священника Анніи Николаевнѣ Соколовой, онъ, 24 ноября 1818 г., преосвященнымъ Сенофонтомъ рукоположенъ во священника къ Симеоновской церкви гор. Переславля-Залѣскаго. Такимъ образомъ, Ив. Ал. былъ въ одно и то же время и Шуйскимъ учителемъ, и Переславскимъ священникомъ. Онъ почти безвыѣздно жилъ въ Шуѣ, а въ Переславлѣ служилъ за него одинъ изъ священниковъ заштатныхъ. Это имѣло, конечно, свои неудобства. Въ устраненіе ихъ, о. Іоаннъ новымъ архипастыремъ Владимірскимъ Пареніемъ переведенъ былъ, въ 1825 году, къ церкви Шуйскаго упраздненнаго Троицкаго монастыря.

Доколѣ мысли идутъ стройно,
Доколѣ міра суета
Не оковала васъ цѣпями,—
Теките правоты путями
Къ назначенной для васъ мѣтѣ.
Се вамъ наукъ открыто поле,
Да, вышихъ повинуюсь волѣ,
Трудитесь сердца въ чистотѣ».

* *
*

«На подвигъ сей спѣшите смѣло:
Самъ Пастырь, самъ Монархъ, самъ Богъ,
Благословляя ваше дѣло,
Даютъ вамъ счастія залогъ.
Подъ ихъ отеческимъ покровомъ
Надѣмся на мѣстѣ новомъ
Въ васъ видѣтъ новые плоды.
Пусть всякъ изъ васъ усѣхъ покажетъ,
И Архипастырю докажетъ
И наши, и свои труды!»

Объ этой одѣ прошли лестные отзывы по всей епархіи. «Ode tuum, — писалъ Субботину, вскорѣ по открытіи Шуйскаго училища, одинъ изъ его Суздальскихъ знакомыхъ,—quod habuisti in concione gymnastica coram Praesule et frequenti multitudine visitorum, multis laudibus celebratur, cujus exemplar mihi mittas, oro».

Въ училищѣ онъ преподавалъ разные предметы и въ разныхъ классахъ. Въ октябрѣ 1823 года назначенъ учителемъ латинскаго языка и ариѳметики въ низшемъ отдѣленіи; 17 февраля 1826 г. опредѣленъ учителемъ ариѳметики, географіи и пѣнія въ высшемъ отдѣленіи, а съ декабря 1827 г. сталъ преподавать въ томъ-же отдѣленіи и латинскій языкъ.

Это былъ вообще заботливый, энергичный и гуманный педагогъ, зорко слѣдившій за успѣхами и поведеніемъ учениковъ, но дѣйствовавшій на нихъ не строгостью, которая практиковалась тогда въ духовныхъ школахъ въ широкихъ размѣрахъ и нерѣдко принимала характеръ вопіющей жестокости, а мягкимъ, благодушнымъ обращеніемъ съ ними. Такимъ именно онъ представляется въ воспоминаніяхъ его многочисленныхъ учениковъ. Достаточно сослаться на самыя авторитетныя свидѣтельства. Покойный архіеп. Волынской Агаѳангель, бывшій ученикъ Шуйскаго училища, въ общемъ отзывавшійся объ этомъ училищѣ въ высшей степени неблагосклонно, все-таки признавалъ И. А. Субботина, своего инспектора и учителя, одною изъ «свѣтлыхъ личностей», имѣвшей большое нравственное вліяніе на воспитанниковъ¹⁾. Другой извѣстный архіепастырь, также получившій первоначальное образованіе въ Шуйскомъ училищѣ, нынѣшній Высокопреосвященнѣйшій Тверскій Савва, отзывался объ о. Іоаннѣ Субботинѣ, какъ объ учителѣ и инспекторѣ энергичномъ, умномъ и гуманномъ²⁾.

Ивану Алексѣевичу приходилось исправлять и смотрительскую должность во время отлучекъ смотрителя, протоіерея Василя Ивановича Смирнова, въ село Васильевское, гдѣ онъ былъ настоятелемъ

¹⁾ «Архіепископъ Волынской, ранѣе—епископъ Вятскій, Агаѳангель». П. Е. С. Вятск. Епарх. Вѣдом., 1891 г. № 2, стран. 17.

²⁾ Церковно-приходская лѣтопись Спасской церкви гор. Шуи, л. 21: «Посѣщеніе архіеп. Саввою прот. М. В. Миловскаго». Этотъ отзывъ архіеп. Саввы объ о. прот. Субботинѣ слышанъ и авторомъ настоящей статьи непосредственно изъ устъ Высокопреосвященнаго.

Троицкой церкви. О. смотритель каждый разъ съ спокойнымъ духомъ отправлялся въ свое село, такъ какъ хорошо зналъ, въ какія надежныя руки передавалъ онъ кормило правленія училищемъ¹⁾.

Въ училищныхъ должностяхъ о. Иоаннъ находился до ноября 1830 года, когда вынужденъ былъ отказаться отъ нихъ по неприятнымъ для него обстоятельствамъ. Новый смотритель училища захотѣлъ взять себѣ уроки латинскаго языка, преподававшася Субботинымъ, и началъ домогаться осуществленія этого желанія чрезъ тогдашняго ректора семинаріи, своего товарища по академіи. Легко поддававшійся вліянію другихъ, о. ректоръ не могъ не воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы poradѣть близкому человѣку. На приѣмномъ экзаменѣ въ семинаріи нѣкоторые ученики Шуйскаго училища неудачно отвѣтили полатыни. Этого было достаточно, чтобы семинарское правленіе, руководимое о. ректоромъ, признало священника І. Субботина неспособнымъ учителемъ латинскаго языка. Оно не только сдѣлало строгій выговоръ ему за малоусиѣшность учениковъ, но и перевело его на другой предметъ (греческій языкъ), съ предоставленіемъ, разумѣется, самому смотрителю преподаванія латыни. Такимъ распоряженіемъ семинарскаго начальства Ив. Ал., конечно, не могъ быть доволенъ. Особенно было обидно ему то, что начальство такъ торжественно признало его неспособнымъ преподавать не географію или нотное пѣніе, а именно латинскій языкъ, который онъ зналъ въ совершенствѣ, на которомъ писалъ и говорилъ и которому училъ съ такимъ наслажденіемъ и

¹⁾ «Инспекторъ, учитель Субботинъ, — говорилось въ донесеніи семинарскаго правленія академическому о наставникахъ Шуйскаго училища, — оказываетъ къ должности своей особенную ревность. Онъ, кромѣ обыкновеннаго за учениками присмотра чрезъ старшихъ, самъ почасту хаживалъ по ученическимъ квартирамъ, стараясь узнать обстоятельнѣе поведеніе учениковъ; а во время необходимой смотрителя отлучки въ село Васильевское порученную ему должность отправлялъ съ великою точностью и усердіемъ». Дѣло объ увольненіи смотрителя Шуйскаго училища протоіерея В. Смирнова отъ училищ. службы. Архивъ Моск. дух. ак. 1827 г. № 86.

увлеченіемъ. Для облегченія своей скорби, онъ письменно подѣлился ею съ знакомымъ ему ректоромъ Калужской семинаріи, архимандритомъ Владиміромъ (впослѣдствіи епископъ Тобольскій и Сибирскій). О. архимандритъ Владиміръ отнесся къ нему съ самымъ теплымъ участіемъ. «Любезный о Христѣ братъ и другъ Иванъ Алексѣевичъ, — отвѣчалъ онъ Субботину, — жалѣю, очень жалѣю о неудовольствіи, встрѣтившемся съ вами; но съ кѣмъ подобнаго не бываетъ? Недоброжелатели ваши не столько другимъ и вамъ, сколько себѣ вредятъ. Оставьте ихъ. На сей же почтѣ я писалъ къ о. ректору Владимірскому и совѣтовалъ ему поближе взглянуть на васъ, и, кажется, онъ долженъ меня послушать. Какъ я зналъ его въ академіи, онъ человѣкъ добрый, только можетъ быть легковѣренъ; а это мутитъ и чистую воду. Если же онъ меня не послушаетъ и не оставитъ васъ на латинскомъ классѣ, и если вы точно замѣчаете, что ваше служеніе при училищѣ для него не нужно, то *melius est exire, quam excoģi*. Не столько вы объ училищѣ, сколько училище должно сожалѣть объ васъ. Не знаю, какъ смотритъ на сіе владыка вашъ. Кажется, онъ всегда думалъ объ васъ очень хорошо. Не изнемогайте, но паче благодумствуйте». Но архим. Владиміръ уже запоздалъ съ своимъ ходатайствомъ за священника Субботина и съ совѣтами ему: о Іоаннѣ, послѣ постигшей его неприятности, нашелъ для себя нравственно невозможнымъ долѣе оставаться при училищѣ и потому подалъ просьбу объ увольненіи его отъ всѣхъ училищныхъ должностей, которое и было дано ему безъ малѣйшаго замедленія. Такъ разстался со службою въ Шуйскомъ духовномъ училищѣ тотъ, кому оно обязано своимъ первоначальнымъ устройствомъ...¹⁾.

¹⁾ Иванъ Алексѣевичъ Субботинъ много сдѣлалъ для возбужденія въ Шуйскомъ обществѣ сочувствія къ новооткрытому духовному училищу. Для этого онъ всегда старался, между прочимъ, какъ можно торжественнѣе и интереснѣе обставлять училищные публичные экзамены, на которые собирались всѣ почетные представители города. На этихъ экзаменахъ ученики произносили разные стихи и разговоры, которые составлялись именно Иваномъ Алексѣевичемъ. Онъ же сочинялъ стихи и для рекреаций.

V.

Какъ-бы взаимно оставленныхъ училищныхъ должностей. о. Иоаннъ Субботинъ вскорѣ послѣ того получилъ особенныя должности по епархіальному вѣдомству. Переведенный въ 1831 году отъ Троицкой церкви къ Старому Покровскому собору, онъ въ томъ-же году былъ назначенъ членомъ Шуйскаго духовнаго правленія, депутатомъ и увѣщателемъ. Отсюда видно, что преосвящ. Пареній, думавшій, по замѣчанію Калужскаго ректора Владиміра, объ о. І. Субботинѣ «очень хорошо», оказывалъ ему большое вниманіе и довѣріе. Должность члена духовнаго правленія сразу выдвинула о. Иоанна изъ среды городского и окружнаго сельскаго духовенства, потому-что это правленіе представляло собою, такъ сказать, консисторію въ миниатюрѣ, служило вспомогательнымъ органомъ самой епархіальной власти, и члены его облечены были значительными правами и преимуществами.

О. Иоаннъ Субботинъ съ ревностію проходилъ пастырскую службу и всѣ возложенныя на него должности. Какъ служитель алтаря Господня, онъ отличался любовію къ совершенію богослуженій и всегда отправлялъ ихъ истово и благоговѣнно. Онъ старался располагать прихожанъ къ поддержанію и увеличенію благолѣпія храма Божія, и успѣвалъ въ этомъ. При немъ къ Покровскому собору пристроены придѣлы; надъ ними воздвигнута колокольня; для нея слить большой благовзвучный колоколъ; вся церковь обрѣжена каменною оградой съ красивыми чугунными рѣшетками; ризница же пополнилась многими весьма дорогими богослужебными принадлежностями. Какъ пастырь церкви, о. Иоаннъ зорко слѣдилъ за поведеніемъ своихъ духовныхъ чадъ и стремился развивать и воспитывать ихъ въ нравственномъ направленіи.

Въ послѣднемъ случаѣ ему много помогалъ его проповѣдническій талантъ. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ священническаго служенія своего о. Иоаннъ зарекомендовалъ себя, какъ выдающійся проповѣдникъ. Проповѣди его всегда вызвали лестные отзывы со сто-

роны слушателей, ощущавшихъ на себѣ ихъ дѣйственность. Шуйскіе духовные цензорѣ также отзывались съ похвалою о проповѣдяхъ о. Іоанна ¹⁾. О. Іоаннъ старался развить свой проповѣдническій талантъ не только частыми собственными упражненіями въ составленіи поученій, но и ревностнымъ чтеніемъ образцовъ церковнаго краснорѣчія. Слова отцовъ и учителей Церкви и произведенія лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ проповѣдниковъ были, можно сказать, настольными его книгами ²⁾. Съ теченіемъ времени проповѣди о. Іоанна сдѣлались еще обстоятельнѣе и назидательнѣе, такъ — что самъ преосвященный Пареній, этотъ строгій цѣнитель гомилетической литературы, обратилъ на нихъ благосклонное вниманіе и находилъ ихъ достойными одобренія. На одной тетради проповѣдей о. І. Субботина имѣется слѣдующая собственноручная надпись епископа Паренія: «читалъ съ удовольствіемъ». Отсюда, путемъ непосредственнаго ознакомленія съ поученіями о. Іоанна, преосвященный приобрѣлъ полное довѣріе къ его проповѣдническому таланту. Бывало, Шуйскій цензоръ въ росписаніи очереднаго про-

№ 322

¹⁾ Вотъ, напр., какія рецензіи писалъ на нихъ протоіерей Алексѣй Никитскій: «трудъ достойный вниманія и даръ слова, коему отдаетъ справедливость цензоръ» (сл. на Р. Х. 1822 г.); «поздравляю сочинителя съ счастливымъ запасомъ назиданія на сей день» (сл. на тезоимен. императ. Александра I-го 1823 г.); «достойно быть выслушано съ пользою» (сл. на день рожд. императ. Маріи Ѳеодоровны); «прежде всеобщаго одобренія подаетъ на то голосъ цензоръ такой-то» (сл. на день Сошеств. св. Духа); «съ удовольствіемъ занимался чтеніемъ проповѣди и обращаю (?) оную къ произнесенію» (сл. на тотъ-же день); «къ чести праздника, желаю сочинителю имѣть честь произнести сіе правоученіе» (сл. на день Усѣкн. гл. І. Предт.). Слѣдовавшій за Никитскимъ цензоръ, протоіерей В. Смирновъ, подписывалъ рецензіи проще, наприим. такъ: «проповѣдь очень хороша» (сл. на Р. Х. 1838 г.).

²⁾ На книжкѣ сочиненій знаменитаго французскаго проповѣдника Бурдалу онъ сдѣлалъ такого рода надпись:

«Совѣтую я всѣмъ Слова *честь* Бурдалу:

Онъ ими заслужилъ и *честь*, и похвалу».

повѣданія слова Божія въ городскомъ Воскресенскомъ соборѣ назначить проповѣдь на какой-либо высокаторжественный день другому священнику, а владыка Парѣній, безъ всякой церемоніи, зачеркнетъ и напишетъ: «не по силамъ; сказать Субботину».

Вообще талантливое и благоуспѣшное проповѣданіе слова Божія какъ-то особенно ярко блистало на свѣтломъ фонѣ всей пастырской дѣятельности о. Іоанна. Неудивительно, что этотъ пресвитеръ, вообще прилежавшій добрѣ ко всемъ своимъ обязанностямъ, паче же труждавшійся въ словѣ и ученіи, удостоился и сугубыя чести: въ 1845 г. онъ возведенъ въ санъ протоіерея ¹⁾. Изъ клировыхъ вѣдомостей открывается именно, что онъ получилъ протоіерейское достоинство, какъ вообще «за долговременное и тщательное прохожденіе должностей», такъ въ частности и «за благоуспѣшную ревность къ проповѣданію слова Божія» ²⁾.

¹⁾ До протоіерейства о. Іоаннъ получилъ три награды: набедренникъ (1819 г.), скуфью (1830 г.) и камилавку (1841 г.), и послѣ принятія протоіерейства—также три знака отличія: наперсный крестъ (1850 г.), крестъ въ память Севастопольской войны и орденъ св. Анны 3-й степ. (1856 г.).

²⁾ Впослѣдствіи, при новомъ архіереѣ, преосвящ. Іустинѣ, по его, кажется, желанію и по просьбѣ Шуйскихъ гражданъ, о. Іоаннъ издалъ небольшое собраніе своихъ поученій. Оно было весьма сочувственно встрѣчено обществомъ и заслужило одобреніе нѣкоторыхъ іерарховъ. «Зная ваши дарованія въ проповѣданіи слова Божія, — писалъ о. Іоанну Черниговскій архіепископъ Павелъ, — поручилъ я консисторіи оповѣстить духовенство Черниговской епархіи къ пріобрѣтенію поученій вашихъ покупкою». Ярославскій архіепископъ Евгений, прочитавъ книжку проповѣдей Субботина, заподозрилъ въ авторѣ ихъ челоуѣка съ вышимъ богословскимъ образованіемъ, и потому, въ собраніи всехъ наставниковъ семинаріи, обратился къ нимъ съ вопросомъ, не знаютъ ли они, изъ какой академіи протоіерей гор. Шуй І. Субботинъ, которымъ напечатаны весьма назидательныя и обработанныя поученія?—Кстати замѣтить, проповѣди прот. Субботина выдержали три изданія (въ 1851, 1855 и 1857 г.г.) и теперь являются библиографической рѣдкостью.

VI.

Протоіерей І. А. Субботинъ умѣлъ соединять въ себѣ съ простотою, обходительностью и привѣтливостью сознаніе собственнаго достоинства. Предъ знатными и вліятельными лицами онъ былъ почитателенъ и предупредителенъ, но безъ малѣйшаго вида униженія и угодливости; съ людьми низшихъ классовъ былъ неизмѣнно обходителенъ, ласковъ и простъ, но такъ, что при этомъ немислима была съ ихъ стороны какая-либо фамиллярность въ отношеніи къ нему.

Это умѣнье о. протоіерея всегда держать себя съ достоинствомъ, при его умѣ и разсудительности, снискало глубокое уваженіе къ нему во всѣхъ слояхъ Шуйскаго общества. Онъ имѣлъ обширный кругъ самыхъ усердныхъ и преданныхъ почитателей.

Къ числу ихъ принадлежалъ и помѣщикъ пригороднаго села Юрчакова, камергеръ двора Его Величества, Николай Андреевичъ Кашинцевъ. Находя пріятными и назидательными свиданія съ о. протоіереемъ Субботинымъ, онъ часто приглашалъ его къ себѣ въ Юрчаково. На память объ этихъ свиданіяхъ, Ник. Андр. подарилъ ему чрезвычайно рѣдкую «для немногихъ напечатанную» книжку своего сочиненія подъ заглавіемъ: «Гробница Императора Николая І-го»¹⁾. На этой, изящно изданной, книжкѣ имѣется слѣдующая надпись: «Почтеннѣйшему отцу протоіерею и кавалеру Іоанну Алексѣевичу Субботину на память назидательныхъ бесѣдъ его въ селѣ Юрчаковѣ. СПБ., 24-го іюля 1858 года». Вообще Кашинцевъ всегда и неизмѣнно питалъ пріязнь и уваженіе къ о. Іоанну, хотя

¹⁾ Книжка эта, въ предисловіи которой сказано, что она напечатана *для немногихъ*, составляетъ, дѣйствительно, большую библиографическую рѣдкость: ея нѣтъ даже въ такихъ замѣчательныхъ книгохранилищахъ, какъ Московскія Румянцевская и Чертковская библіотеки. Она посвящена «его высокопревосходительству К. Е. Мандерштерну» и содержитъ въ себѣ рассказъ автора о поклоненіи его гробницѣ Николая І-го и о встрѣчѣ его въ Петропавловскомъ соборѣ съ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

и отличался обыкновенно непостоянством своего характера и до нѣкоторой степени своеправіемъ ¹⁾).

Шуйскіе граждане такъ уважали о. Іоанна Субботина, что считали за особенную честь отдавать ему своихъ дѣтей «въ науку». Эти учебныя занятія о. Іоанна въ домахъ Шуйскаго купечества вспоминались съ благодарностью его учениками, изъ которыхъ теперь едва-ли кто уже остался въ живыхъ. У наиболѣе видныхъ купцовъ того времени, Киселевыхъ и Посылиныхъ, онъ училъ всѣхъ почти дѣтей. Столь памятный Шуйскимъ жителямъ миллионеръ Иванъ Демидовичъ Киселевъ, человѣкъ весьма умный, предприимчивый, ведшій въ широкихъ размѣрахъ торговлю и необычайно благотворительный, устроившій въ Шуѣ превосходную больницу, нынѣ извѣстную подъ именемъ «Киселевской», былъ ученикъ именно о. Іоанна Алексѣевича. Опытный и способный педагогъ изъ своихъ учениковъ образовывалъ и выводилъ въ общество весьма грамотныхъ, развитыхъ, а главное—нравственныхъ, богобоязненныхъ людей ²⁾).

Особенно большое уваженіе, преданность и довѣріе оказывали о. Іоанну Субботину его духовныя дѣти—Покровскіе прихожане. Безъ его совѣта, безъ его нравственнаго участія они рѣдко обходились даже въ обыденныхъ житейскихъ дѣлахъ: что сказалъ батюшка о. Іоаннъ, то получало для нихъ силу закона, то и прилагалось ими немедленно къ дѣлу. Такою преданностью, уваженіемъ и довѣріемъ къ нему отличались, главнымъ образомъ, семейства почетныхъ гражданъ Корниловыхъ и Поповыхъ. Это были въ

¹⁾ Вотъ что говоритъ о Никол. Андр. Кашинцевъ бывшій опекунъ его и Владимірскій губернаторъ, князь Н. (?) М. Долгорукій: «Николаша... въ юности казался очень тихъ, никакихъ страстей въ немъ не было примѣтно, но какъ развернулся усъ, то и нравъ началъ развертываться: онъ оказался своеобразливъ». Капище моего сердца. Сочин. кн. Н. М. Долгорукаго. М. 1874 г. стран. 140.

²⁾ Замѣчательно, что братъ И. Д. Киселева, у о. Іоанна не учившійся, а получившій образованіе въ свѣтскихъ школахъ, былъ виновникомъ полного раззорѣнія славнаго нѣкогда Киселевскаго торговаго дома.

полномъ смыслѣ духовныя дѣти его, дѣлившіяся съ нимъ своими радостями и печалями, обращавшія къ нему за совѣтами въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и находившія въ немъ самаго близкаго и дорогаго для нихъ человѣка, искренняго радѣтеля объ ихъ не только высшихъ духовныхъ интересахъ, но и о житейскомъ благополучіи.

По характеру мягкій, спокойный, благодушный, о. протоіерей вносилъ и во весь строй своей домашней жизни начала мира и безмятежія: у семейнаго очага его ютилась одна тихая, ровная любовь.

Свободные часы о. Іоаннъ обыкновенно посвящалъ чтенію книгъ, и не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Все, что казалось ему изъ прочитаннаго замѣчательнымъ или просто лишь интереснымъ, онъ заносилъ въ особую книгу, подраздѣленную на разные отдѣлы. Въ этой книгѣ можно найти и выписки изъ твореній Св. Отцевъ и Учителей Церкви, и проповѣди Филарета и Иннокентія, и Историческую Записку географа Арсеньева о городѣ Шуѣ, и полную родословную Романовыхъ (?), и извлеченія изъ разныхъ статей свѣтскихъ спеціальныхъ ученыхъ журналовъ, и патріотическія стихотворенія нѣкоторыхъ авторовъ изъ времени Севастопольской компаніи, и милые стишки Ломоносова: «Услышали мухи медовые духи», и лучшія изъ басенъ Дмитриева и Крылова, и проч. и проч. ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь же есть одно и собственное стихотвореніе о. І. Алексѣевича «Надпись на книгѣ Эмина Путь ко спасенію», подаренной какому-то Василью Панкратычу 26 апрѣля 1836 года:

«Дарю тебѣ, любезный мой землякъ,
Не повѣсть и не сказку,
А вѣрную указку,
Путь ко спасенію найти возможно какъ....»

Вообще о. Іоаннъ не оставлялъ никогда своихъ упражненій въ стихотворствѣ. Одному изъ имянинниковъ онъ послалъ привѣтствіе съ нравственнымъ наставленіемъ, начинающимся такъ:

«Имянинникъ дорогой!
Ты иди прямой дорогой,
Будь блюститель жизни строгой....»

Любилъ о. Іоаннъ, по старой памяти, читать и латинскихъ классиковъ, — любимыми его авторами были Цицеронъ и Виргилій. Удалось ему на Шуйской ярмаркѣ купить латинскую книжку писемъ Теофана Прокоповича, — и съ какимъ наслажденіемъ онъ ее читалъ, восторгаясь прекраснымъ латинскимъ языкомъ автора!

Очень интересовался о. І. Субботинъ литературными и другими памятниками старины, и особенно — мѣстной. Въ Отечественныхъ Запискахъ за 1826 годъ напечатано письмо его къ редактору, которое ясно показываетъ, что объ о. Іоаннѣ Алексѣевичѣ, какъ любителѣ древностей, извѣстно было и не однимъ жителямъ Шуи. Оно написано именно въ отвѣтъ на просьбу редактора сообщить ему о Шуйскихъ достопримѣчательностяхъ и составить хотя краткій историческій очеркъ города Шуи. Въ указанномъ письмѣ, между прочимъ, любопытны свѣдѣнія о рѣдкостяхъ въ домѣ Киселева ¹⁾. «Большая часть ихъ, — пишетъ о. І. Субботинъ, — состоитъ изъ оригинальныхъ картинъ и вещей, рѣдкихъ по дороговизнѣ, а не по древности. Изъ рукописей старинныхъ знаю у него только записки извѣстнаго путешественника ко святымъ мѣстамъ Барскаго, своеручно имъ писанныя, съ которыхъ напечатана книга: «Странствованія ко святымъ мѣстамъ Василя Григорьевича Барскаго». При сей книгѣ довольно рисунковъ, со святыхъ мѣстъ и чудотворныхъ иконъ имъ снятыхъ; также есть и паспорта, выданные ему начальниками палестинскими и римскими, на греческомъ и латинскомъ языкахъ ²⁾. Есть у него (Киселева) и старинныхъ медалей довольно, но я, по неопытности моей въ гербовѣдѣнія, ни ему не

¹⁾ Дѣда вышеупомянутаго Ивана Демидовича.

²⁾ Впослѣдствіи подлинная рукопись «Странствованій» Барскаго принадлежала знаменитому библиофилу, Московскому купцу Царскому, и вмѣстѣ съ другими его рукописями, поступила въ библіотеку графа А. С. Уварова. Рукопись эта описана П. М. Строевымъ въ его трудѣ: «Рукописи Славянскія и Россійскія, принадлежащія Ивану Никитичу Царскому. М. 1848 г. № 601 и 602.

могъ, ни вамъ не могу дать никакого познанія о нихъ. Г. Киселевъ есть любознательный изыскатель рѣдкаго. Много у него ученыхъ любопытныхъ примѣчаній на заблужденія Штиллинга и другихъ ему подобныхъ, но онъ не вѣзмъ все скоро показываетъ». На просьбу или приглашеніе редактора Отеч. Записокъ составить историческій очеркъ города Шуи, о. Іоаннъ отвѣчаетъ: «Начертать историческія свѣдѣнія о гор. Шуѣ могу я развѣ по однимъ устнымъ преданіямъ, но для сего мнѣ нужно будетъ войти въ разсужденіе предварительно съ другими лицами»¹⁾.

О. Іоанну Субботину суждено было отыскать неизвѣстный до толъ драгоценный манускриптъ—подлинное письмо Святителя Митрофана Воронежскаго къ Шартомскому архимандриту Александру. Около 1835 года о. Іоаннъ, по порученію енархіальнаго начальства, производилъ ревизію церковнаго имущества Шуйскаго Воскресенскаго собора и Николо-Шартомскаго, близъ Шуи, монастыря. Любознательный ревизоръ воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы просмотрѣть богатый монастырскій архивъ. Здѣсь, въ связкѣ пыльныхъ, небрежно хранившихся, старинныхъ бумагъ, онъ нашель это собственноручное письмо Святителя Митрофана. «Боже мой, какая драгоценность», говорилъ онъ, цѣлуя рукописаніе Угодника Божія, мощи котораго были открыты лишь незадолго предъ тѣмъ. Открытіе этого письма было чрезвычайно радостно встрѣчено въ православномъ Русскомъ мірѣ, потому что оно дало новыя, весьма драгоценныя, данныя для біографіи Святителя. «За дорогой подарокъ вашъ,—писалъ Костромской епископъ Павелъ знаменитому

¹⁾ Отечеств. Записки, 1826 г., мартъ, стран. 498—500. Отъ составленія историческаго очерка Шуи по актамъ о. Субботинъ уклонился, конечно, потому, что собираніе такого рода матеріаловъ потребовало бы отъ него, человѣка должностнаго, слишкомъ много времени и трудовъ. «Начерталь» ли онъ историч. свѣдѣнія о Шуѣ по устнымъ преданіямъ, неизвѣстно; но, кажется, сообщеніями его пользовался географъ Арсеньевъ для своей статьи о гор. Шуѣ, помѣщенной въ журн. Мин. Внутр. Дѣль.

ученому А. В. Горскому, который прислалъ ему пѣснопѣіе въ честь Святителя Митрофана,—позвольте поплатиться вамъ также важнымъ подаркомъ. Вы изъ описанія Унженскаго Макаріева монастыря прежде гадали, что Святитель Митрофанъ до монашества находился въ супружескомъ состояніи. Догадка ваша совершенно оправдалась. Вотъ вамъ въ копіи грамота Святителя Митрофана, найденная въ Шартомскомъ Николаевскомъ монастырѣ, что близъ гор. Шуи, и доставленная ко мнѣ Преосвященнѣйшимъ Парөніемъ, архіепископомъ Владимірскимъ. Въ ней ясно сказано, что св. Митрофанъ имѣлъ сына по плоти Ивана и самъ въ мірѣ именовался Михаилъ. Открытіе весьма важное... Для меня же стеченіе обстоятельствъ весьма замѣчательное: отъ васъ получилъ пѣснопѣіе во славу св. Митрофана 18-го числа, а отъ Преосв. Парөнія грамоту—19-го. Сіе величайшую доставило мнѣ радость и утѣшеніе. О грамотѣ можете довести до свѣдѣнія и Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Филарета при удобномъ случаѣ»¹⁾. Если Преосв. Павелъ считалъ замѣчательнымъ то обстоятельство, что онъ два дня подрядъ получалъ предметы, соединенные съ именемъ Святителя Митрофана, то тѣмъ болѣе нужно признать удивительнымъ и знаменательнымъ фактъ открытія письма сего Угодника Божія не кѣмъ-либо другимъ, а именно его-же односельчаниномъ, Антилоховскимъ-же урожденцемъ, свящ. Субботинымъ²⁾.

¹⁾ Твор. Св. Отц. въ русск. перев., изд. при Моск. духов. акад., 1887 г., кн. IV, стран. 359—360.

²⁾ О происхожденіи Святит. Митрофана изъ Антилохова сдѣлалось извѣстнымъ лишь по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, и о. І. Субботинъ не подозрѣвалъ, что открылъ рукопись именно своего односельца.—Данныя изъ этого письма вскорѣ послѣ того внесены были въ житіе св. Митрофана, изданное по благословенію Св. Синода. Самое письмо напечатано было потомъ: въ Москвитянинѣ (за 1842 г.), въ приложеніи къ Описан. города Шуи, Борисова (1851 г.), въ Описаніи Николо-Шартомскаго монастыря (1863 г.) и въ Прибавленіяхъ къ Твор. Св. Отцевъ (1887 г., кн. IV, стран. 361—362).

О. Іоаннъ, какъ челоѣкъ наблюдательный и аккуратный, любилъ вести календарныя записи *pro memoria*. На пробѣльные листы календарей онъ заносилъ все, что находилъ въ какомъ-либо отношеніи достопамятнымъ: выдающіяся событія въ своей личной и семейной жизни, городскія и иногородныя происшествія, перемѣны погоды, и проч. Всѣ эти замѣтки о событіяхъ, относящихся къ разнымъ годамъ, записывались въ порядкѣ мѣсяцевъ. Приведемъ здѣсь только нѣкоторыя изъ этихъ записей, касающіяся обстоятельство семейной жизни о. протоіерея.

«Съ 14-го на 15-е октября 1825 года въ ночи родилась дочь Анастасія; окрещена 16 ч., воспринята отъ купели Шуйск. городничимъ П. Е. Шульгинымъ и тещею Марьей Ивановной»¹⁾.
«1845 года октября 23-го дня (вторн.), въ 3 часа по-полудни скончался въ Москвѣ, въ Екатерининской больницѣ сынъ мой Іоаннъ, студентъ Московской духовной академіи; погребенъ 27-го дня въ Новоспасскомъ монастырѣ у ограды съ восточной стороны предъ третьей аркой съ угла сѣвернаго; вокругъ могилы его — памятники Евреиновой и Хотяинцова. Житія его 22 года 8 мѣсяцевъ и 6 дней. Эпитафія:

«Почилъ здѣсь отъ трудовъ
Искавшій мудрости слѣдовъ
Студентъ Иванъ Субботинъ»²⁾.

¹⁾ Анастасія Ивановна нынѣ въ замужествѣ за протоіереемъ Спасской церкви въ гор. Шуѣ М. В. Миловскимъ.

²⁾ Это былъ очень умный, добрый и скромный челоѣкъ. Во время ученія во Владимірской семинаріи онъ пользовался искреннею пріязнію товарищей и расположеніемъ наставниковъ и самихъ начальниковъ — инспектора Евѣмія (съ которымъ послѣ переписывался) и ректора Поликарпа. Самъ преосв. Пареній оказывалъ большое благоволеніе Ивану Ивановичу и, по переходѣ его въ академію, не переставалъ помнить его и любить. «6-го февраля (1845 г.) былъ я у Владыки, — пишетъ о. Іоаннъ своему «Ванюшенькѣ» въ академію, — вспомнилъ Владыка о тебѣ; шутилъ, хорошо ли мать кормила тебя въ святки; радовался, что такъ хорошо

«1827 года на 13-е ноября, въ 6 часу по-полудни родился сынъ Николай; воспринять отъ св. купели Горицкимъ о. Матѳеємъ съ тещею Марьей Ивановной 14-го ноября». «1854 года декабря 2-го дня я получилъ отъ сына Николая радостное извѣстіе, что онъ утверждень Св. Синодомъ въ степени магистра¹⁾. Въ тотъ же день продалъ Московскому книгопродавцу А. Г. Кузнецову 200 книжекъ моихъ поученій за 30 руб. серебромъ».

устроена судьба твоя и, благословивъ меня благословеніемъ благостыннымъ, отпустилъ съ миромъ». «Хорошо устроенной судьбой», Ивану Ив. Субботину пришлось попользоваться недолго. По переходѣ на второй курсъ, онъ усиленными научными занятіями надорвалъ свое здоровье и получилъ чахотку. Академическое начальство отіравило его для лѣченья въ Московскую Екатерининскую больницу. Отсюда онъ нѣсколько разъ писалъ родителямъ о своей тяжелой болѣзни; но письма, какъ оказалось, по небрежности больничныхъ служителей, на почту не сдавались и по назначенію не доходили. Только прибывшіе въ Москву приказчики Шуйскихъ фабрикантовъ Поповыхъ, случайно узнавъ о нахожденіи Ив. Ив. въ больницѣ, навѣстили его и, по возвращеніи въ Шую, рассказали объ его опасномъ положеніи о. Іоанну. Этотъ немедленно отправился въ Москву, но засталъ дорогогаго сына уже бездыханнымъ. Бѣдный юноша умеръ одинокій, не дождавшись одного только дня до пріѣзда своего отца. На донесеніи инспектора академіи о смерти студента Ив. Субботина митрополитъ Филаретъ написалъ: «Неизлишне было сказать, изъ которой епархіи» (Дѣла Внутр. Правл. Моск. дух. акад., 1845 г. № 64). Должно быть, до митрополита дошли слухи о торжественныхъ похоронахъ какого-то студента дух. академіи Субботина, и потому пожелалъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ. Ив. Ив. Субботинъ, дѣйствительно, какъ-бы въ воздаяніе его смиренія, похороненъ былъ очень торжественно—не на простомъ кладбищѣ, а въ знаменитой ставропигіальной Новоспасской обители, при чемъ монашествующіе встрѣтили въ монастырскихъ вратахъ гробъ юноши и проводили до могилы. Такія похороны устроилъ Ивану Ивановичу очень любившій его Н. А. Кашинцевъ, состоявшій въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Новоспасскимъ архимандритомъ Аполлосомъ.

¹⁾ Николай Ивановичъ Субботинъ, нынѣ заслуженный ординарный профессоръ Московской духовной академіи.

Любилъ также о. протоіерей поддерживать переписку съ своими знакомыми, которые жили вдали отъ него. Сохранилось доселѣ нѣсколько писемъ къ нему архипастырей: Аркадія Пермскаго, Павла Черниговскаго, Іосифа Смоленскаго, Владиміра Тобольскаго и одно письмо (на латинскомъ языкѣ) ректора Московской духовной академіи, архимандрита Сергія, нынѣшняго митрополита Московскаго.

Въ высшей степени характерны письма преосв. Іосифа Смоленскаго, жившаго уже на покой въ Кіевопечерской лаврѣ; заслуживаютъ вниманія и обстоятельства, по которымъ они были писаны. Въ концѣ апрѣля 1839 г. одинъ изъ Шуйскихъ жителей, нѣкто Иванъ Яковлевичъ, собрался въ Кіевъ на богомолье. Узнавъ объ этомъ, о. І. Субботинъ написалъ ему на листочкѣ толстой, сѣрой бумаги записочку такого содержанія: «Иванъ Яковличъ! Навѣдайся пожалуйста въ Кіевъ, живъ ли Преосвященнѣйшій Іосифъ. Если живъ и ты найдешь случай принимать отъ него благословеніе, то попроси онаго отъ Его Преосвященства и мнѣ, съ изъявленіемъ ему моего высокопочитанія». Языкъ довелъ Ивана Яковлевича до Кіева и далъ ему возможность узнать здѣсь, что преосв. Іосифъ, по милости Божіей, живъ и что въ извѣстные часы можно видѣть его и принять отъ него благословеніе. Услужливый и простодушный Иванъ Яковлевичъ, при свиданіи съ преосвященнымъ, сдѣлалъ даже больше того, о чемъ просилъ его въ своей запискѣ къ нему о. Іоаннъ: онъ самую эту записку, написанную на первомъ попавшемся клочкѣ грубой бумаги, заблагоразсудилъ вручить преосвященному. Старецъ-святитель прочиталъ ее и тутъ-же, на оборотѣ ея, начерталъ своимъ старческимъ почеркомъ слѣдующія строки: «Живъ еще грѣшный Іосифъ, и просить святыхъ молитвъ честнѣйшаго отца іерея Іоанна Алексѣевича Субботина и желая ему всѣхъ благъ, пребудетъ всегда усерднымъ его смолитвенникомъ. Іюня 9 ч. 1839 г. Кіевопечерская лавра».—Черезъ восемь лѣтъ послѣ того собрались на поклоненіе Кіевскимъ святынямъ нѣкоторые изъ семейства Шуйскихъ купцовъ Посылиныхъ. О. Іоаннъ Субботинъ, до котораго

доходили слухи, что преосв. Іосифъ еще живъ, рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы написать старцу-святителю письмо съ выраженіемъ теплыхъ чувствъ уваженія, преданности ему и сыновней любви къ нему. На это письмо преосв. Іосифъ прислалъ, съ тѣми-же Посылинами, слѣдующій глубоко-трогательный отвѣтъ о. Іоанну:

«Честнѣйшій въ протоіереехъ

Іоаннъ Алексѣевичъ!

«Очень обрадовали вы меня вашимъ любезнымъ писаніемъ. Всеусердно благодарю васъ за память о мнѣ, дряхломъ старикѣ. Да радуется, да утѣшаетъ васъ выну Господь Вседержитель! Всѣ отрадныя благословенія Его да пребываютъ на васъ, возлюбленный о Христѣ братъ мой, и на благодатномъ семействѣ вашемъ. Мой вѣкъ скончается. Объ одномъ прошу васъ: какъ услышите о моей кончинѣ, помяните меня у престола Господня, помолитесь Обладателю живыми и мертвыми, да даруетъ мнѣ истинный покой въ вѣчности, простивъ вся грѣхопаденія моя.

«Вашея пречестности усерднѣйшій почитатель и смолитвенникъ
болящій старецъ Епископъ Іосифъ.

«Посылины очень васъ любятъ и уважаютъ. Я съ удовольствіемъ слушалъ истинныя вамъ похвалы почтенной Евдокіи Михайловны. Іюля 7 ч. 1847 г. Кіевопечерская лавра».

VII.

Едва протоіерей І. А. Субботинъ достигъ періода старости, какъ началъ быстро слабѣть силами. Въ храмовой праздникъ, 1-го октября 1859 года, онъ совершилъ церковное служеніе уже изнуренный болѣзнію, хотя и произнесъ поученіе тѣмъ-же твердымъ и выразительнымъ голосомъ, которымъ всегда отличался. Это служеніе и это поученіе его были послѣдними. Постепенно усиливавшіеся старческіе недуги (особенно слабость ногъ) болѣе уже не выпускали его изъ дома, такъ-что онъ вынужденъ былъ испросить

себѣ увольненіе на покой. Это увольненіе послѣдовало въ январѣ 1860 года. Видя въ постоянномъ усиленіи своихъ недуговъ несомнѣнный признакъ приближенія смерти, о. протоіерей озаботился приготовиться къ ней должнымъ образомъ: нѣсколько разъ онъ исповѣдывался и приобщался, а когда сдѣлался совсѣмъ слабъ, былъ особорованъ. 19-го мая 1860 года, наканунѣ своей смерти, о. Іоаннъ чувствовалъ себя нѣсколько лучше, и даже наслаждался чтеніемъ какой-то латинской книжки. Но въ ночь на слѣдующее число его поразилъ легкій параличъ. Днемъ больному становилось все хуже и хуже, такъ-что нашли нужнымъ прочесть ему «отходную». Когда для этого стали искать въ домѣ его требникъ, онъ, все время находившійся въ полномъ сознаніи, но уже почти совсѣмъ потерявшій способность владѣть языкомъ, съ усиліемъ прошепталъ: «кіевскій... въ комодѣ... внизу...». Въ указанномъ мѣстѣ, дѣйствительно, отыскался требникъ кіевской печати, по которому и былъ прочитанъ канонъ на исходъ души.

Между тѣмъ у постели старца собрались его близкіе — родные и знакомые. Всѣ они находились въ благоговѣйномъ трепетѣ, подъ вліяніемъ наступавшаго часа смерти, и не сводили скорбныхъ взоровъ съ умиравшаго, который чуть слышно дышалъ. Вдругъ онъ весь встрепенулся и, съ просіявшимъ лицомъ, съ улыбкою на устахъ, прошепталъ: «Іосифъ!... Іосифъ!» Ясно, что ему представился кто-то по имени Іосифъ. У присутствовавшихъ, разумѣется, начались на этотъ счетъ разныя догадки и предположенія. «Не Осипъ ли Тимоѣичъ показался тебѣ?» — спросила умиравшаго жена его, но онъ сдѣлалъ отрицательное движеніе головою. О. протоіерей видимо напрягалъ всѣ усилія шевельнуть языкомъ, и не могъ. Такъ прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Наконецъ, съ необычайнымъ усиліемъ и отрывисто, онъ прошепталъ: «приходилъ... преосвященный...». Тогда зять о. Іоанна, свящ. М. В. Миловскій, спросилъ его: «батюшка, не покойный ли это преосвященный Іосифъ Смоленскій?» Умиравшій обрадовался и произнесъ: «да, да!»

Спустя немного послѣ того, въ исходѣ 9-го часа вечера, протоіерей Іоаннъ Алексѣевичъ Субботинъ предалъ духъ свой Богу духовъ. «Знать, батюшка городной¹⁾ скончался, — царство ему небесное!» — закрестились чтившіе его жители Шуи, услышавъ, среди вечерней тишины, рѣдкіе, унылые удары большого колокола Старо-Покровскаго собора.

Умершій тотчасъ же былъ облаченъ. На груди его положили евангеліе, имъ самимъ тщательно переписанное²⁾.

Отпѣваніе почившаго было совершено на третій день, при многочисленномъ стеченіи народа со всего города и окрестныхъ мѣстъ. Прекрасное слово въ память о. протоіерея сказалъ достойный преемникъ его, священникъ А. И. Казанскій³⁾. «Господь, содержащій въ десницѣ своей всѣ концы земли и жребій всѣхъ людей, — говорилъ проповѣдникъ, — воззвалъ къ вѣчному покою своего служителя, подвигомъ добрымъ подвизавшагося во славу святаго имени Его и для спасенія ближнихъ. Предъ нами погребальный одръ съ бездыханнымъ тѣломъ въ Бозѣ почившаго протоіерея Іоанна. Столько лѣтъ возносившій въ семь храмъ молитвенный свой гласъ о людѣхъ, онъ нынѣ является здѣсь безмолвенъ, ожидая надъ собою исходнаго пѣнія; благословлявшая рука его не благословляетъ, уста его, столь часто съ этого священнаго мѣста возвѣщавшія слово евангельской истины, запечатлѣны вѣчнымъ молчаніемъ. Долго томился онъ подъ бременемъ тяжкаго недуга... Неоднократно Господь въ освящающихъ своихъ таинствахъ приходилъ утѣшать изнемогавшаго тѣломъ, но не духомъ, своего служителя. Силы постепенно исто-

¹⁾ *Городными*, т.-е. городскими, прежде назывались Шуйскіе жители той, окруженной валомъ, мѣстности, гдѣ въ древности сосредоточивался весь городъ Шуя съ его соборною церковью и административными учрежденіями. И теперь отъ нѣкоторыхъ старожиловъ можно слышать выраженія: «батюшка городной», «матушка городная» и т. под.

²⁾ Писать это евангеліе онъ началъ задолго до кончины и употреблялъ на этотъ трудъ большею частію утреннее время предъ литургіями.

³⁾ Нынѣ о. протоіерей того же собора и благочинный Шуйскихъ церквей.

щались, — и наконецъ унылый звукъ колокола въ вечернемъ сумракѣ возвѣстилъ намъ, что служитель Божій почилъ сномъ смертнымъ». Выяснивъ, затѣмъ, въ назиданіе слушателей, понятіе о смерти, какъ успеніи, и указавъ на то, что она для людей вѣрующихъ и благочестивыхъ никогда не была и не можетъ быть предметомъ ужаса и скорби, — проповѣдникъ обращается къ почившему съ такими заключительными словами: «Усопшій служитель церкви Христовой! Тебя не смущалъ грозный призракъ смерти, ибо ты могъ сказать словами Апостола: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тимое. 4, 5). Мы уповаемъ, что, по милосердію Господа, которому ты служилъ, принося безкровную жертву, тебѣ соблюдается и вѣнецъ правды».

Съ разрѣшенія преосвящ. Іустина, почившій похороненъ въ оградѣ Покровскаго собора, противъ средняго полукружія алтаря главной церкви. Впослѣдствіи на могилѣ о. протоіерея І. А. Субботина поставленъ былъ сыномъ его бѣло-мраморный памятникъ, въ видѣ утвержденнаго на камнѣ четырехконечнаго креста съ лежащею у подножія его раскрытою книгою, на которой вырѣзаны утѣшительныя слова Златоуста: «Никто же да боится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть».

Священникъ Н. Миловскій.

Москва.

